

Станюкович Константин Михайлович

Человек за бортом!

Рассказ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
К65

К65 **Константин Михайлович С.**
Человек за бортом!: Рассказ / Станюкович Константин Михайлович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 36 с.

ISBN 978-5-519-75326-5

ISBN 978-5-519-75326-5

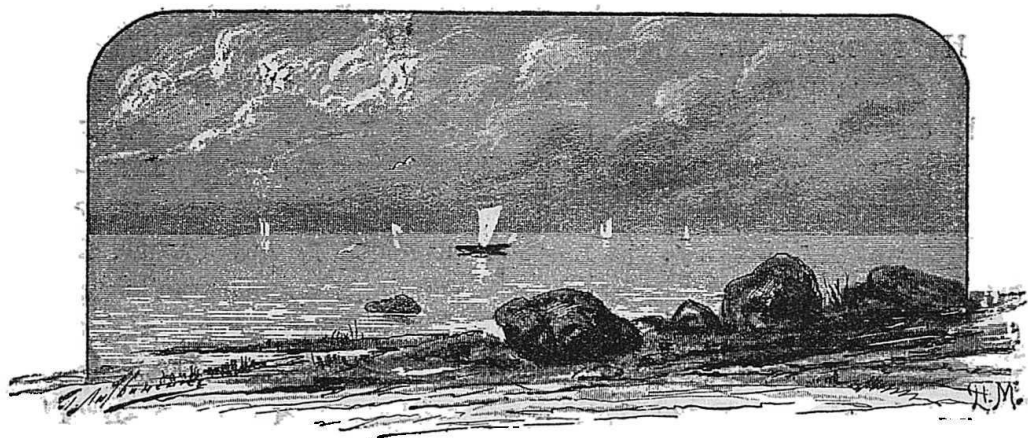
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

„Человѣкъ за бортомъ!“

Посвящается Котику.

I.

Жара тропическаго дня начинала спадать. Солнце медленно катилось къ горизонту.

Подгоняемый нѣжнымъ пассатомъ, клиперъ несъ всю парусину и безшумно скользилъ по Атлантическому океану, узловъ по семи. Пусто кругомъ: ни паруса ни дымка на горизонтѣ! Куда ни взглянешь, все та же безбрежная водяная равнина, слегка волнующаяся и рокочущая какимъ-то таинственнымъ гуломъ, окаймленная со всѣхъ сторонъ прозрачной синевой безоблачнаго купола. Воздухъ мягокъ и прозраченъ; отъ океана несетъ здоровымъ морскимъ запахомъ.

Пусто кругомъ.

Изрѣдка развѣ блеснетъ подъ лучами солнца яркой чешуйкой, словно золотомъ, перепрыгивающая летучая рыбка, высоко въ воздухѣ прорѣшетъ бѣлый альбатросъ, торопливо пронесется надъ водой маленькая петрель, слѣшащая къ далекому африканскому берегу, раздастся шумъ водяной струи, выпускаемой китомъ,—и опять ни одного живого существа вокругъ. Океанъ да небо, небо да океанъ—оба спокойные, ласковые, улыбающіеся.

— Дозвольте, ваше благородіе, пѣсенникамъ пѣсни пѣть!—спросилъ вахтенный унтеръ-офицеръ, подходя къ офицеру, лѣниво шагающему по мостику.

Офицеръ утвердительно махнулъ головой, и черезъ минуту стройные звуки деревенской пѣсни, полной шири и грусти, разнеслись среди океана.

Довольные, что послѣ дневной истомы наступила прохлада, матросы толпятся на бакѣ, слушая пѣсенниковъ, собравшихся у баковой пушки. Завзятые любители, особенно изъ старыхъ матросовъ, обступивъ пѣвцовъ тѣснымъ кружкомъ, слушаютъ сосредоточенно и серьезно, и на многихъ загорѣлыхъ обвѣтрившихся лицахъ свѣтится безмолвный восторгъ. Подавшійся впередъ широкоплечій, сутулый старикъ Лаврентьичъ, «основательный» матросъ изъ «баковщины», съ жилистыми, просмоленными руками, безъ пальца на одной рукѣ, давно оторваннаго марсафаломъ, и цѣпкими, слегка вывернутыми ногами,—отчаянный пьяница, котораго съ берега привозятъ всегда въ безчувствіи и съ разбитой фізіономіей (онъ любитъ лѣзть въ драку съ иностранными матросами за то, что они, по его мнѣнію, «не пьютъ настояще, а только куражатся», разбавляя водой крѣпчайшій ромъ, который онъ дуетъ гольемъ),—этотъ самый Лаврентьичъ, слушая пѣсни, словно замеръ въ какой-то истомѣ. Его морщинистое лицо, — обыкновенно сердитое,

точно Лаврентьячъ чѣмъ-то недоволенъ и сейчасъ выпустить фонтанъ ругани,—смотреть теперь необыкновенно кротко, смягченное выраженіемъ тихой задумчивости. Нѣкоторые матросы тихонько подтягиваютъ; другіе, разсѣявшись по кучкамъ, вполголоса разговариваютъ, выражая по временамъ одобреніе то улыбкой, то восклицаніемъ.

И, въ самомъ дѣлѣ, хорошо поютъ пѣсенники! Голоса въ хорѣ подобрались молодые, свѣжіе и чистые и спѣлись отлично. Особенно приводилъ всѣхъ въ восторгъ превосходный бархатный тенорокъ подголоска Шутикова. Этотъ голосъ выделялся среди хора своей красотой, забираясь въ самую душу чарующей искренностью и теплотой выраженія.

— За самое нутро хватасть, подпець, говорили про подголоска матросы.

Пѣсня лилась за пѣснью, напоминая матросамъ, среди тепла и блеска тропиковъ, далекую родину съ ея снѣгами и морозами, полями, лѣсами и черными избами, съ ея близкими сердцу бездольемъ и убожествомъ...

— Вали плясовую, ребята!

Хоръ грянулъ веселую плясовую. Тенорокъ Шутикова такъ и заливался, такъ и звенѣлъ теперь удалствомъ и весельемъ, вызывая невольную улыбку на лицахъ и заставляя даже солидныхъ матросовъ поводить плечами и притопывать ногами.

Макарка, маленькій, бойкій, молодой матросикъ, давно уже чувствовалъ зудъ въ своемъ поджаромъ, словно въ себя подобраннымъ тѣлѣ, не выдержалъ и пошелъ отхватывать трепака подъ звуки залихватской пѣсни, къ общему удовольствію зрителей.

Наконецъ, пѣніе и пляска кончились. Когда Шутиковъ, сухощавый, стройный чернявый матросъ, вышелъ изъ круга

и пошелъ курить къ кадкѣ; его провожали одобритѣльными замѣчаніями.

— И хорошо же ты поешь, ахъ, какъ хорошо, пѣшь тебя ѣшь!—замѣтилъ растроганный Лаврентьичъ, покачивая головой и прибавляя, въ знакъ одобренія, непечатное ругательство.

— Ему бы подучиться, да ежели, примѣрно, генераль-басъ понять, такъ хучь въ оперу!—съ ампломбомъ вставилъ молодой писарь изъ кантонистовъ, Пуговкинъ, щеголявшій хорошимъ обращеніемъ и изысканными выраженіями.

Лаврентьичъ, нетерпѣвшій и презиравшій «чиновниковъ» *), какъ людей, по его мнѣнію, совершенно бесполезныхъ на суднѣ, и считавшій какъ бы долгомъ чести при всякомъ случаѣ обрывать ихъ, насушился, бросилъ сердитый взглядъ на блѣлокураго, полнотѣлаго, смазливаго писарька и сказалъ:

— Ты-то у насъ опера!.. Брюхо отрастилъ отъ лодырства, и вышла опера!..

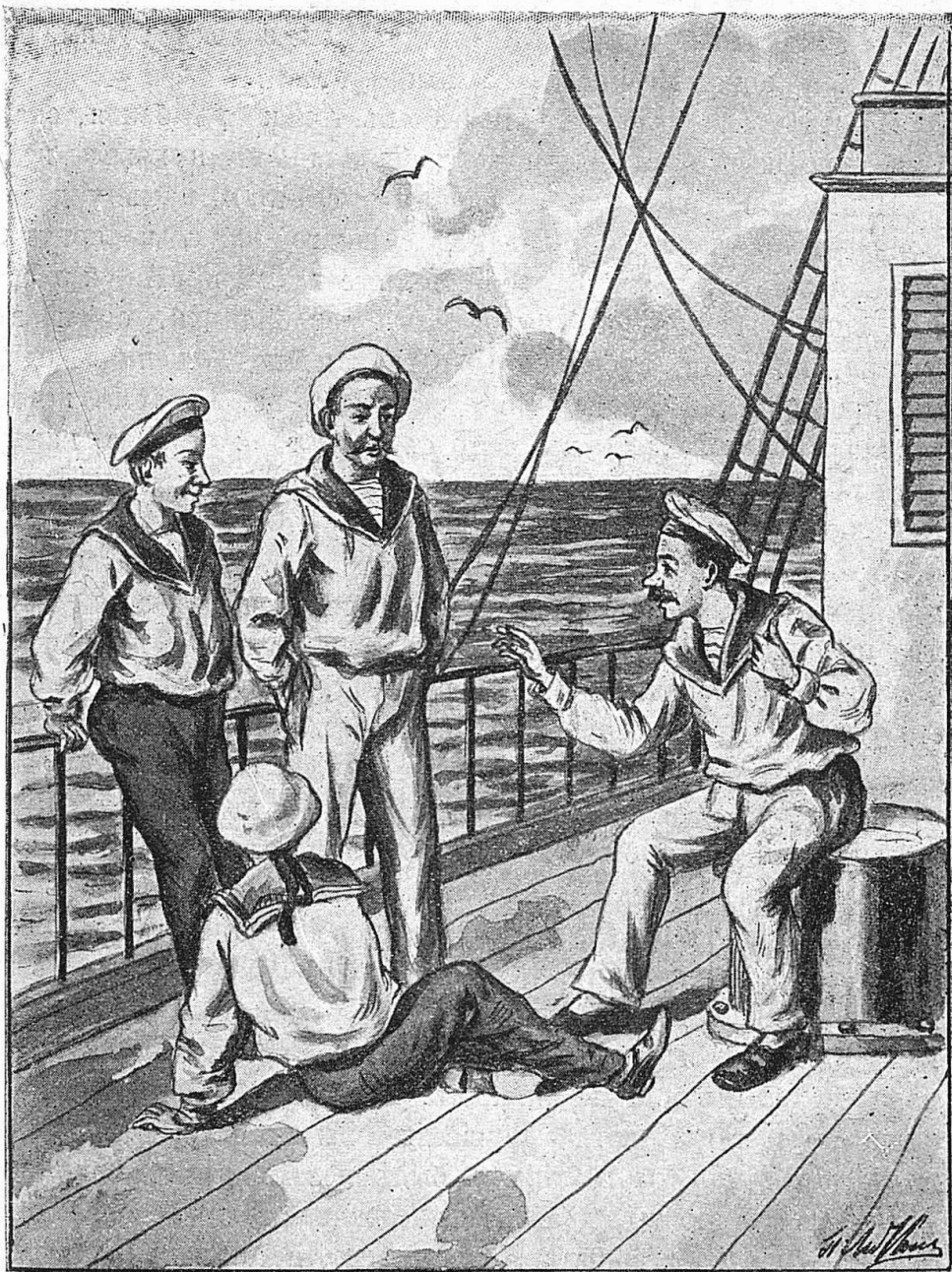
Среди матросовъ раздалось хихиканье.

— Да вы понимаете ли, что такое обозначаетъ опера?— замѣтилъ сконфуженный писарекъ...—Эхъ, необразованный народъ!—тихо проговорилъ онъ и благоразумно поспѣшнымъ скрыться.

— Ишь, какая образованная мамзеля! — презрительно пустилъ ему вслѣдъ Лаврентьичъ и прибавилъ по своему обыкновенію забористую ругань, но уже безъ ласковаго выраженія...

— То-то я и говорю,—началъ онъ, помолчавъ и обращаясь къ Шутикову,—важно ты поешь пѣсни, Егорка...

*) «Чиновниками» матросы зовутъ писарей, фельдшера, баталера и подшкипера.

— Ужъ что и толковать. Онъ у насъ на всѣ руки. Одно слово... молодца Егорка!..—замѣтилъ кто-то.

Въ отвѣтъ на одобренія, Шутиковъ только улыбался, скаля бѣлые, ровные зубы изъ-подъ добродушныхъ пухлыхъ губъ.

И эта довольная улыбка, ясная и свѣтлая, какъ у дѣтей, стоявшая въ чертахъ молодого, свѣжаго лица, подернутаго краской загара, и эти большіе, темные глаза, кроткіе и ласковые, какъ у щенка, и аккуратная, подобранная, сухоощаваѣ фигура, крѣпкая, мускулистая и гибкая, не лишенная, однако, крестьянской мѣшковатой складки,—все въ немъ притягивало и располагало къ себѣ съ перваго же раза, какъ и чудный его голосъ. И Шутиковъ пользовался общей пріязнью. Всѣ любили его, и онъ всѣхъ, казалось, любилъ.

Это была одна изъ тѣхъ рѣдкихъ, счастливыхъ, жизнерадостныхъ натуръ, при видѣ которой невольно дѣлается свѣтлѣе и радостнѣе на душѣ. Такіе люди—какіе-то прирожденные философы-оптимисты. Его веселый, сердечный смѣхъ часто раздавался на клиперѣ. Бывало онъ что-нибудь рассказываетъ и первый же заразительно вкусно смѣется. Глядя на него, и другіе невольно смѣялись, хотя бы въ рассказѣ Шутикова иногда и не было ничего особенно смѣшного. Оттачивая какой-нибудь блочекъ, отскабливая краску на шлюпкѣ или коротая ночную вахту, примостившись на марсѣ, за вѣтромъ, Шутиковъ, обыкновенно, тихо подпѣвалъ какую-нибудь пѣсенку, а самъ улыбался своей хорошей улыбкой, и всѣмъ было какъ-то весело и уютно съ нимъ. Рѣдко когда видѣли Шутикова сердитымъ или печальнымъ. Веселое настроеніе не покидало его и тогда, когда другіе готовы были упасть духомъ, и въ такія минуты Шутиковъ былъ незамѣнимъ.

— И гдѣ это ты, дьяволъ, насобачился такъ ловко горло драть?—снова заговорилъ Лаврентьичъ, посасывая носогрѣйку съ махоркой...—Пѣлъ у насъ на «Констенкинѣ» одинъ матро-

сикъ, надо правду сказать, что форменно, шельма, пѣлъ... да все не такъ забористо.

— Такъ, самоучкой; въ пастухахъ когда жилъ. Бывало стадо разбредется по лѣсу, а самъ лежишь подъ березкой и пѣсни играешь... Меня такъ въ деревнѣ и прозывали: пѣвчій пастухъ!—прибавилъ Шутиковъ, улыбаясь.

И всѣ почему-то улынулись въ отвѣтъ, а Лаврентычъ, кромѣ того, трепанулъ Шутикова по спинѣ и, въ видѣ особаго расположенія, выругался въ самомъ нѣжномъ тонѣ, на который былъ только способенъ его испитой голосъ.

II.

Въ эту минуту, расталкивая матросовъ, въ кругъ торопливо вошелъ только-что выскочившій изъ палубы плотный пожилой матросъ, Игнатовъ.

Блѣдный и растерянный, съ непокрытой, коротко остриженной, круглой головой, онъ сообщилъ прерывистымъ, отъ злобы и волненія, голосомъ, что у него украли золотой.

— Двадцать франковъ! Двадцать франковъ, братцы!—жалобно повторялъ онъ, подчеркивая цифру.

Это извѣстiе смутило всѣхъ. Такія дѣла бывали рѣдкостью на клиперѣ.

Старики нахмурились. Молодые матросы, недовольные, что Игнатовъ внезапно нарушилъ веселое настроенiе, болѣе съ испуганнымъ любопытствомъ, чѣмъ съ сочувствiемъ, слушали, какъ онъ, задыхаясь и отчаянно размахивая своими опрятны-

ми руками, спѣшилъ разсказать про всѣ обстоятельства, сопровождавшія покражу: какъ онъ, еще сегодня, послѣ обѣда, когда команда отдыхала, ходилъ въ свой сундучишко, и все было, слава Богу, цѣлехонько, все на своемъ мѣстѣ, и какъ вотъ сейчасъ онъ пошелъ было за сапожнымъ товаромъ и... «замокъ братцы сломанъ... двадцать франковъ нѣтъ»...

— Это какъ же? своего же брата обкрадывать?—заключилъ Игнатовъ, обводя толпу блуждающимъ взглядомъ.

Его гладкое, сытое, чисто выбритое, покрытое крупными веснушками лицо, съ небольшими круглыми глазами и острымъ, словно у ястреба, загнутымъ носомъ, отличавшееся всегда спокойной сдержанностью и довольнымъ степеннымъ видомъ неглупаго человѣка, понимающаго себѣ цѣну, теперь было искажено отчаяніемъ скряги, который потерялъ все имущество. Нижняя челюсть вздрагивала, круглые его глаза растерянно перебѣгали по лицамъ. Видно было, что покража совсѣмъ его разстроила, обнаруживъ его кулаческую, скаредную натуру.

Недаромъ же Игнатовъ, котораго нѣкоторые матросы уже начинали почетно величать «Семенычемъ», былъ прижимистымъ и жаднымъ къ деньгамъ человѣкомъ. Онъ и въ кругосвѣтное плаваніе пошелъ, вызвавшись охотникомъ и оставивъ въ Кронштадтѣ жену—торговку на базарѣ—и двоихъ дѣтей, съ единственной цѣлью прикопить въ плаваніи деньжонокъ и, выйдя въ отставку, заняться въ Кронштадтѣ помалости торговлей. Онъ велъ крайне воздержанную жизнь, вина не пилъ, на берегу денегъ не тратилъ. Онъ копилъ деньги, копилъ ихъ упорно по грошамъ, зналъ, гдѣ можно выгодно мѣнять золото и серебро, и, за большимъ секретомъ, давалъ мелкія суммы займы подъ проценты надежнымъ людямъ. Вообще, Игнатовъ былъ человѣкъ оборотистый и рассчитывалъ сдѣлать хорошее дѣло, привезя въ Россію для продажи сигаръ и кое-какія

японскія и китайскія вещи. Онъ и раньше уже занимался такими дѣлишками, когда плавалъ по лѣтамъ въ Финскомъ заливѣ: въ Ревелѣ бывало закупить килекъ, въ Гельсингфорсѣ—сигаръ и мамуровки и съ выгодой перепродать въ Кронштадтѣ.

Игнатовъ былъ рулевымъ, служилъ исправно, стараясь ладить со всѣми, дружилъ съ баталеромъ и подшкиперомъ, былъ грамотенъ и тщательно скрывалъ, что у него водятся деньжонки и, притомъ, для матроса—порядочныя.

— Это безпремѣнно подлецъ Прошка; никто, какъ онъ!—закипая гнѣвомъ, взволнованно продолжалъ Игнатовъ.—Даве онъ все вертѣлся въ палубѣ, когда я ходилъ въ сундукъ... Что теперь съ эстимъ подлецомъ дѣлать, братцы? — спрашивалъ онъ, обращаясь, преимущественно, къ старикамъ и какъ бы ища ихъ поддержки.—Неужто я такъ и рѣшусь денегъ?.. Вѣдь деньги-то у меня кровныя... Сами знаете, братцы, какія у матроса деньги... По грошамъ собиралъ... Чарки своей не пью...—прибавилъ онъ униженнымъ, жалобнымъ тономъ.

Хотя никакихъ другихъ уликъ, кромѣ того, что Прошка «даве вертѣлся на палубѣ», не было, тѣмъ не менѣе, и самъ потерпѣвшій, и слушатели не сомнѣвались, что укралъ деньги именно Прошка Житинъ, не разъ уже попадавшійся въ мелкихъ кражахъ у товарищей. Ни одинъ голосъ не раздался въ его защиту. Напротивъ, многіе возмущенные матросы осыпали предполагаемаго вора бранью.

— Этакій мерзавецъ... Только срамитъ матросское званіе...—съ сердцемъ сказалъ Лаврентичъ.

— Дда... Завелась и у насъ паршивая собака...

— Надо его теперь проучить, чтобы помнилъ, лодырѣ безпутный.

— Такъ какъ же, братцы?—продолжалъ Игнатовъ...—Что съ Прошкой дѣлать?.. Ежели не отдастъ онъ добромъ, я по-

прошу доложить старшему офицеру. Пусть по формѣ разберутъ.

Но эта, пріятная Игнатову, мысль не нашла на бакѣ поддержки. На «бакѣ» былъ свой особенный, неписанный уставъ, строгими охранителями котораго, какъ древле жрецы, были старые матросы.

И Лаврентьичъ первый энергично запротестовалъ.

— Это, выходитъ, съ лепортомъ по начальству?—презрительно протянулъ онъ.—Кляузы заводить? Забылъ, видно, съ перепугу матросскую правилу? Эхъ вы... народъ!—и Лаврентьичъ для облегченія помянулъ «народъ» своимъ обычнымъ словомъ.—Тоже выдумалъ, а еще матросомъ считаешься!—прибавилъ онъ, бросая на Игнатова не особенно дружескій взглядъ.

— По-вашему какъ же?

— А, по-нашему, такъ же, какъ прежде учивали. Избей ты Прошку вдрызгъ, чтобы помнилъ, да отыми деньги. Вотъ какъ по-нашему.

— Мало ли его, подлеца, били! А ежели онъ не отдастъ? Такъ, значить, и пропадать деньгамъ. Это за что же?.. Пусть ужъ лучше форменно засудятъ вора... Такую собаку нечесъ, жалѣть, братцы.

— Жаденъ ты къ деньгамъ ужъ очень, Игнатовъ... Не бойсь. Прощка не всё укралъ... Еще малость осталось?—принципически промолвилъ Лаврентьичъ.

— Считалъ ты, что ли!

— То-то не считалъ, а только не матросское это дѣло—кляузы. Не годится!—авторитетно замѣтилъ Лаврентьичъ.—Вѣрно ли я говорю, ребята?

И всё почти «ребята», къ неудовольствію Игнатова, подтверждали, что кляузы заводить «не годится».